

Анжела
Манетти

Мой дедушка был воином

Анджела Нанетти

ANGELA NANETTI

Мой дедушка был вишней

MIO NONNO ERA UN CILIEGIO

*Иллюстрации Светланы Минковой
Перевод с итальянского Анны Красильщик*

Москва
Самокат

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Серия «Лучшая новая книжка»

Для младшего и среднего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря
2010 года маркируется знаком **6+***

Иллюстрации Светланы Минковой

Оформление серии «Лучшая новая книжка» Влады Мяконькиной

Старик Оттавиано посадил вишневое дерево, которое стало лучшим другом его внуку. И так появилась на свет история о необычном дедушке, который умел слушать растения и верил, что «человек не умирает, пока вишневые деревья продолжают жить для него».

Книга «Мой дедушка был вишней» вошла в список выдающихся книг для детей «Белые вороны», составляемый Международной мюнхенской юношеской библиотекой. Она отмечена премиями в Италии, Германии и Франции, а автор ее, Анджела Нанетти, была номинирована на главную премию в детской литературе — премию Г. Х. Андерсена.

*Любое использование текста и иллюстраций разрешено только
с согласия издательства.*

© 1998, Edizioni EL S.r.l., Trieste Italy

© Красильщик А. И., перевод, 2009

**ISBN 978-5-00167-035-
3**

© Иллюстрации, издание на русском языке.
ООО «Издательский дом «Самокат», 2020

Первая глава

Когда мне исполнилось четыре, у меня было два дедушки и две бабушки. Одни жили в деревне, а другие — в городе. Городских дедушку и бабушку звали Луиджи и Антониэтта, и они были такие же, как все городские жители. Деревенских дедушку и бабушку звали Оттавиано и Теодолинда, и они не были похожи ни на кого — даже на своих соседей. Луиджи и Антониэтта жили в нашем доме, и мы виделись как минимум четыре раза в день. Сначала в восемь утра, когда дедушка выгуливал Флоппи:

— Ну-с, юноша, какие планы на сегодня? Идем в сад или нет?

В девять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками:

— Ты собрался в садик, мой зяблик?

В два, когда дедушка шел гулять с Флоппи второй раз:

— О, ты уже вернулся из сада! Вот молодчина!

И в пять, когда бабушка шла с Флоппи за покупками или к подругам:

— Что нового в садике, мой зяблик?

Тогда я ходил в старшую группу детского сада. Я ненавидел его всей душой с того самого дня, когда мама однажды вышла на работу и отдала меня в сад. С тех пор каждое утро повторялось одно и то же: я плакал, дедушка стучал в дверь, бабушка выходила из квартиры, и они вместе шли гулять с Флоппи. Глядя на них, мама частенько фыркала: «Собаку они любят больше, чем внука». Эти слова меня так волновали, что я даже переставал плакать. Флоппи была ужасно уродлива — живот, круглый, как мяч, и тонюсенькие лапы. Неужели я еще страшнее?

Деревенские бабушка и дедушка — совсем другие люди. Вместо собаки они держали кур и гусей, с которыми вовсе не надо было гулять по четыре раза в день. И жили они не этажом выше, а в сорока километрах от города. Поэтому виделись мы примерно два раза в месяц.

Иногда мама вздыхала: «Они словно привидения». И я представлял себе, как длиннющий дедушка Оттавиано и толстая-претолстая бабушка Теодолинда, набросив на себя белые простыни, бродят по двору среди кур и гусей.

Бабушка Теодолинда и дедушка Оттавиано — мамины родители. Как и мама, они всегда были мне ближе других бабушки и дедушки. Мама — их единственная дочка. Бабушка Теодолинда была очень крупной женщиной, но дети у нее получались крохотные. Настолько крохотные, что не могли прожить больше одного дня. К счастью, маме повезло — наверное, в тот раз бабушка действительно постаралась. Она говорит, это чтобы у нее родился такой внук, как я. Когда мама родилась, дедушка устроил большой праздник и даже напился (по крайней мере, так рассказывала бабушка). А потом пошел в сад и посадил там вишню.

Теперь о дедушке. Я думаю, он всегда был не таким, как все, — даже когда меня еще не было на свете. Бабушка рассказывала, что он считался самым

красивым мужчиной в деревне и нужно было как следует попотеть, чтобы заполучить его. Но, наверное, она преувеличивала, потому что очень его любила. Я не помню дедушку красавцем: он был высокий и прямой, с развевающимися волосами (теми, что остались) и вечной травинкой в зубах. Дедушка выдергивал травинку двумя пальцами и жевал, приговаривая: «Получше сигары будет».

Итак, когда родилась мама, дедушка пошел в деревню. Вернулся он с парой золотых сережек для бабушки и молодым саженцем — вишней. Дедушка пошел в сад, выкопал яму, залил ее горячим навозом и посадил дерево. Потом взял ножик, накалил лезвие и вырезал на стволе имя: Феличита. Так зовут мою маму, и дедушка считал, что вишню нужно назвать так же. Но бабушка была против. Это имя не для вишни, говорила она. И тогда дедушка придумал ей имя Феличе. Ведь Феличита означает счастье, а Феличе — счастливый. К тому времени у Феличе было три ветви, а весной, когда маме исполнилось семь месяцев и у нее вылезли четыре зуба, на дереве распустились четыре цветка. Мама и вишня росли вместе и были членами одной семьи. Об этом свидетельствует наш альбом с фотографиями.

На первой странице — семимесячная мама. Знаменитые четыре зуба уже вылезли. Правда, на фотографии их не видно. Мама висит на руках у бабушки, как тряпичная кукла. Глядя на эту фотографию, я всегда думаю о том, что бабушка Теодолинда уж точно победила бы в тяжелом весе. Тогда она была молодая и еще не такая толстая, как в старости, но уже в то время ее руки были в два раза толще, чем у бабушки Антониэтты. И еще у нее была гигантская грудь. Когда она обнимала меня и прижимала к себе, казалось, будто это пуховые подушки. На них я готов был спать всю жизнь.

Это самое прекрасное, что я помню о бабушке. Ну и еще ее запах. Он не имел ничего общего с противными духами бабушки Антониэтты и напоминал запах мамы после ванны. Бабушка говорила, так пахнет мыло, которое она сама делала по тайному рецепту. Он достался ей от колдуньи. Я до сих пор в это верю: бабушка была совершенно необыкновенной женщиной, и мне кажется, с ней могло произойти все что угодно.

На этой первой фотографии бабушка стоит рядом с Феличе: вишня примерно ростом с нее и кажется деревом-ребенком. Дедушка говорил, что к моменту посадки Феличе было три года. На другой фотографии мама сидит на качелях, свисающих с самой толстой ветки. К тому времени у Феличе уже было много ветвей, и дедушка их подстриг — поэтому кажется, будто вишня вся дрожит от холода. Но, когда я высказал свои соображения дедушке, он возразил: «Ничего подобного, растениям это очень полезно — так они становятся крепче». И действительно, на фотографии с седьмого дня рождения моей мамы Феличе — уже настоящее дерево, на котором мама может сидеть верхом, болтая ногами в воздухе.

Мама сто раз рассказывала мне о своем любимом развлечении: она забиралась на дерево и придумывала там наверху тысячи разных игр. Я всегда слушал с завистью: каждый раз, когда мы приезжали к бабушке и дедушке, времени вечно не хватало, Феличе была слишком высокой, а я — слишком маленьким для того, чтобы залезать на вишню без присмотра. Если дедушка не был занят в огороде или с курами, он сажал меня на шею и с невероятной ловкостью, как обезьяна со своим детенышем, карабкался на вишню. Однажды мама вышла из дома и увидела нас — она закрыла рот рукой, чтобы не закричать, но потом так ничего и не сказала. Мама знала, что с дедушкой спорить бесполезно. Тогда бабушка еще чувствовала себя хорошо. Потом она заболела, и дедушка стал уже не тот, что раньше. Мама всегда повторяла это, когда мы возвращались домой. Она очень громко говорила сама с собой; говорила, что нельзя оставлять их там вдвоем, что дедушка упрямец и что он не может делать все сам... Под конец она начинала ругать других бабушку и дедушку и Флоппи.

Альбом с фотографиями заканчивался маминой свадьбой. Особенно мне нравились две фотографии. На одной — мама и папа под цветущей вишней. Мама сидит на своих качелях, а папа делает вид, что толкает ее. На другой — дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда. Они держатся за руки. Мама рассказывала мне, что дедушка хотел устроить в день свадьбы огромный праздник в саду, но папины родители были против из-за мух и других насекомых. Поэтому они просто сфотографировались и поехали в ресторан. Там дедушке Оттавиано пришлось есть устрицы, которые он терпеть не мог, и на следующий день ему было плохо.

На свадебных фотографиях мама и папа очень красивые, а дедушка Оттавиано и бабушка Теодолинда почти неузнаваемые. На дедушке галстук и темный

костюм со дня его собственной свадьбы. А бабушкино платье на этой фотографии сильно топорщится, и поэтому она кажется еще толще. На груди у бабушки — искусственные цветы. Бабушка смеется, и лицо у нее как у девочки.

Этого альбома больше нет, дедушка его уничтожил, но я помню все фотографии, одну за другой.